

4. *Rosen. F.* Classical Utilitarianism from Hume to Mill. М., 2003.
5. *Ross H.* Bentham the Arguments of the Philosophers. М., 1999.
6. *Schofield P.* Utility and Democracy The Political Thought of Jeremy Bentham. Oxford University Press.
7. *Ross H.* Biographical Bentham, Jeremy (1748–1832). Article Summary. URL: <https://www.rep.routledge.com/articles/biographical/bentham-jeremy-1748-1832/v-1/sections/government> (дата обращения: 23.11.2107).
8. *Sheng C. L.* A New Approach to Utilitarianism: A Unified Utilitarian Theory and Its Application to Distributive Justice. М., 1991.
9. *Bentham J.* Principles of International Law (1786–1789/1843) // The Classics of Strategy and Diplomacy. 2015. 20 авг. URL: <http://www.classics-of-strategy.com/2015/08/principles-of-international-law-bentham.html> (дата обращения: 05.04.2018).

В. С. Ившин

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург*

Социокультурный конфликт: борьба с галломанией и генезис русского консерватизма

Рассматриваются причины возникновения русского консерватизма, его специфика формирования в начале XIX в. Делается вывод о том, что русский консерватизм доктринально оформляется в рамках борьбы с галломанией. С одной стороны, консерватизм являлся одной из сторон социокультурного конфликта, а с другой – представляя форму компромисса, путем «ограничения» рецепции западноевропейского опыта в процессе модернизации Российской империи.

Ключевые слова: А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин, Н. М. Карамзин, русский консерватизм, модернизация, галломания, язык, западничество, национальная специфика.

Ivshin V. S.

The Sociocultural Conflict: Anti-Galomania and Genesis of the Russian Conservatism

The article analyzes the root causes of the Russian conservatism, its specificity formation in the early nineteenth century. It is concluded that Russian conservatism is doctrinally formulated in a struggle against gallomania. On the one hand, conservatism was the contestant of sociocultural conflict, on the other

hand conservatism represented a form of compromise, by limited the reception of western experience in process of the modernization of the Russian Empire.

Keywords: A. S. Shiskov, F. V. Rostopchin, N. M. Karamzin, Russian conservatism, modernization, gallomania, westernism, national specification, language.

Российская империя на рубеже XVII–XVIII вв. оказалась в существенном отставании от передовых стран Западной Европы: в политическом, экономическом, культурном и военном развитии, и была втянута в орбиту модернизационного процесса. Модернизационные преобразования, базирующиеся на заимствовании западноевропейского опыта, начавшиеся с правления Петра I, привели к запуску процессов социокультурного раскола российского социума. Импорт иностранной культуры к первой четверти XIX в. привел к тому, что образованное русское дворянское общество в большей степени усвоило вестернизированные культурные, политические, идеологические и поведенческие модели. Таким образом, произошел социокультурный раскол, когда часть дворянской прослойки утратила часть своей национальной идентичности, в аксиологическом аспекте воспринимая национальную культуру простого народа как проявление форм невежества и даже варварства [1, с. 96].

Важным событием в усилении французского влияния в российском обществе стала Великая Французская революция. Французы, бежавшие из охваченной огнем революции страны, оседали в европейских странах, в том числе Российской империи. Они становились гувернерами в семьях российского дворянства, с детства воспитывая русских подопечных в русле французской культуры, часто с безразличием и пренебрежением к родному языку, вере и культуре в целом. Сложившаяся ситуация породила утрату важнейшего фактора национальной идентичности – языка, теперь в основе изменившейся коммуникативной практики ведущую роль занимал французский язык [2, с. 12–13]. Настоящие сентенции в своей совокупности породили феномен «галломании» вестернизированного российского дворянства, а Франция неосознанно воспринималась ими как объект для «подражания».

Консерватизм стал первой идеологической реакцией на Великую Французскую революцию [3, с. 4]. Еще во второй половине XIX в., К. Н. Леонтьев поставил вопрос о национальной специфике консервативной идеологии: «...охранение у всякой нации свое, у турка – турецкое, у англичанина – английское, у русского –

русское» [4, с. 171]. Однако консервативная идеология в своем генезисе имела общий архетип, рассматриваемый исследователями как реакция на идеологию эпохи Просвещения, аккумулированную и реализованную в негативном опыте Великой Французской революции. А потому упускается принципиально важный вопрос о национальной специфике зарождающегося русского консерватизма, представляющего собой переходную стадию от дорефлексивного, инстинктивного традиционализма к рефлексивному и сознательному консерватизму как цельной идеологии [5, с. 593 – 596].

Таким образом, на социальном и идеологическом уровне революция и последующая наполеоновская агрессия придали своеобразный социокультурный импульс неприятия чуждой, враждебной российскому монархическому правлению идеологии французской революции. И исторически первые консерваторы в Российской империи в начале XIX в., ставили себе цель борьбы с галломанией российского дворянства, ибо галломания расценивалась ими как «абсолютное идейное зло», несущее с собой революционный хаос и разрушение национально-традиционных ценностей [6, с. 16].

Среди наиболее значительных представителей борцов с галломанией в отечественной общественно-политической и интеллектуальной мысли рубежа XVIII–XIX вв. видное место занимает А. С. Шишков – адмирал, литератор и государственный деятель.

Наиболее отчетливо взгляды адмирала на галломанию нашли отражение в обширной публицистической деятельности адмирала, начавшейся с «Рассуждения о старом и новом слоге языка русского». Сочинение не только инициировало знаменитый языковой спор между «архаистами» и «новаторами» («шишковистами» и «карамзинистами»), но и поставило вопрос о самобытности русской культуры как таковой. Шишков обращается прежде всего к языку как «душе народа, зеркалу нравов, верному показателю просвещения, неумолчного проповедника дел» [7, с. 275].

Он рьяно выступает против галломании российского дворянства, называя оную «неисцелимой и лишаящей всякого рассудка страстью к французскому языку» [7, с. 1]. Описывая современную ситуацию, он указывает на рабское положение российской социокультурной поведенческой среды: «Они [французы] учат нас всему: как одеваться, как ходить, как стоять, как петь, как говорить, как кланяться, и даже как смотреть и кашлять <...>. Благородные девицы наши стыдятся спеть русскую песню» [7, с. 251–252]. Подобная культурная экспансия казалась Шишкову абсолютно неле-

пой: «Мы учителей своих побеждаем оружием; а они победителей своих побеждают комедиями, романами, пудрою, гребенками» [7, с. 253]. Все это, согласно Шишкову, вело к морально-этической и социокультурной деградации и даже ментальному рабству.

Шишков обращается к национально-традиционным ценностям, например церковнославянскому языку, и путям их достижения через национальное воспитание и образование. С естественной опорой на «хранителей» национальных ценностей – православную церковь и простой народ. Последнее объясняется актуализация фольклора адмиралом как одного из самобытных источников обогащения языка.

Интересно, что антифранцузские настроения были характерны и главному идеологическому и литературному антагонисту Шишкова в языковом споре – Н. М. Карамзину. Карамзин и его последователи отражали наиболее западнические дворянские круги, более того русский сентиментализм («карамзинизм») как литературное течение возник под прямым влиянием европейского Просвещения. Однако мировоззрение Карамзина, претерпевало на протяжении всей жизни существенную идейно-теоретическую эволюцию.

Еще до начала языкового спора Карамзин в 1802 г. в сочинении «О любви к отечеству и народной гордости» выступает против галломании российского общества: «Не говорю, чтобы любовь к отечеству долженствовала ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше; но русский должен по крайней мере знать цену свою» [8, с. 281]. Он, так же как Шишков, делает упор на апологию русского языка, поскольку «язык наш выразителен не только для высокого красноречия, для громкой, живописной поэзии, но и для нежной простоты, для звуков сердца и чувствительности. Он богаче гармониею, нежели французский; способнее для излияния души в тонах» [8, с. 285].

Здесь же Н. М. Карамзин высказывается о неосознанном и неосозмеримом заимствовании западного опыта: «Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках, оскорбительные для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человеку и народу, который будет всегдашним учеником!» [8, с. 281].

В 1805–1807 гг. Российская империя принимает участие в антинаполеоновской коалиции и подписывает унижительный Тильзитский мир. Уничажительно поражение спровоцировало распространение национально-патриотических идей в российском обще-

стве, интенсифицировав антифранцузские настроения. На этом фоне происходит доктринальное оформление и распространение программных сочинений ранних русских консерваторов.

В 1807 г. Ф. В. Ростопчин публикует знаменитый антифранцузский и антинаполеоновский памфлет «Мысли в слух на Красном крыльце». Ростопчин в наиболее резких тонах критикует современную ситуацию: «Господи, помилуй! Только и видишь, что молодежь одетую, обутую по-французски: и словом, делом и помышлением французскую. Отечество их на Кузнецком мосту, а царство небесное Париж. Родителей не уважают, стариков презирают, и быв ничто, хотят быть все» [9, с. 6]. Французское влияние объявлялось причиной деградации нравов и всеобщего растреления: «Как же им [галломанам] любить свою землю, когда они и русский язык плохо знают? Как им стоять за Веру, за Царя и за Отечество, когда они закону Божьему не учены и когда русских считают за медведей?» [9, с. 6]. Настоящий памфлет оказал большое влияние на общественно-политическое сознание среди столичных кругов, усилив распространение патриотических настроений в российском социуме [10, с. 114–115].

Манифестом складывающегося русского консерватизма стало чтение знаменитого «Рассуждению о любви к Отечеству» А. С. Шишков на заседании «Беседы любителей русского слова» в 1811 г. Он подвергает острой критике любой космополитизм: «... человек, почитающий себя гражданином света <...> делает тоже, как бы он не признавал ни отца, ни матери, ни роду, ни племени» [11, с. 4]. Отсутствие патриотических чувств в условиях военно-политической опасности от Франции может быть фатально опасным для Российской империи: «Когда мы начнем находить в нем [Отечестве] многие пред другими землями недостатки; когда станут увеселять нас чужие обычаи, чужие обряды, чужой язык, чужие игры <...> тайное покушение прельстить умы, очаровать сердца, поколебать в них любовь к земле своей и гордость к имени своему, есть средство надежнее мечей и пушек» [11, с. 26, 33].

Итак, русский консерватизм, зародившись как реакция на Великую Французскую революцию и идеологию эпохи Просвещения, но доктринальное оформление проходило в русле борьбы с галломанией в публицистической деятельности А. С. Шишкова, Н. М. Карамзина, Ф. В. Ростопчина и ряда других ранних русских консерваторов. Такая тенденция задала не только отличительный вектор формирующегося русского консерватизма, но и отразила

основную национальную специфику его генезиса, отличную от английского и французского вариантов идеологического формирования консерватизма.

Принципиально важное место занимает вопрос о возможности рецепции западноевропейского опыта в раннем русском консервативном дискурсе. Выступая против галломании, за очищение языка, они вовсе не были сторонникам радикальной ксенофобии. Напротив, их языковые и политико-культурные программы, в особенности Шишкова и Карамзина, были направлены лишь против неоправданных и непривычных заимствований или полного подражания западным образцам [12, с. 67]. Иными словами, они стояли на умеренно-ограниченном заимствовании западноевропейского опыта.

Кроме того, русский консерватизм также возник в результате модернизации Российской империи, а консерваторы олицетворяли сложность и неоднозначность настоящего процесса. С одной стороны, ранние русские консерваторы актуализировали национальные историко-культурные ценности (национальные язык, традиции, воспитание, историю), с другой – их политико-культурные программы не носили характер полного изоляционизма от всего «европейского». Более того, в повседневной частной жизни в них сочетались европеизм и традиционализм. Выступая против галломании, они свободно общались с домочадцами на французском языке, придерживались новых представлений о гендерной идентичности, олицетворяли «свободную и независимую» личность, сложившуюся под влиянием идеологии Просвещения [13, с. 111–113, 222–223]. Таким образом, ранний русский консерватизм был как стороной социокультурного конфликта, выступающей против культурной экспансии. Но в то же время он был формой компромисса между «русским» и «европейским» («французским»), отстаивающий позицию умеренной рецепции западноевропейского опыта в процессе модернизации Российской империи.

Список литературы

1. *Полежаева Т. В.* Язык как фактор национального единства (на материале полемики архаистов и карамзинистов начала первой четверти XIX в.) // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2013. № 376.

2. *Солодянкина О. Ю.* Феномен иностранного гувернерства в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Отеч. история. 2008. № 4.

3. *Валлерстайн И.* Мир-система модерна. Триумф центристского либерализма 1789–1914 / пер. с англ. Н. Проценко. Т. IV. М., 2016.

4. *Леонтьев К. Н.* Избранное. М., 1993.
5. *Мангейм К.* Консервативная мысль // Диагноз нашего времени. М., 1994.
6. *Минаков А. Ю.* Антизападнические мотивы в раннем русском консерватизме // Тетради по консерватизму. 2015. № 3.
7. *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка // Собр. соч. и переводов. СПб., 1824. Ч. II.
8. *Карамзин Н. М.* О любви и отечеству и народной гордости // Избр. соч. М., 1964. Т. 2.
9. *Ростопчин Ф. В.* Мысли в слух на красном крыльце. М., 1807.
10. *Минаков А. Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011.
11. *Шишков А. С.* Рассуждение о любви к Отечеству. СПб., 1812.
12. *Седова Д. Д.* «Архаисты» и «Новаторы»: обобщение полемики // Рема. 2009. № 3.
13. *Егерева Т. А.* Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX веков. М., 2014.

А. А. Калинина

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург*

Особенности «мягкой силы» Италии

Статья посвящена особенностям реализации культурной дипломатии Италии в качестве главного инструмента ее «мягкой силы» на современном этапе. Проанализированы конкретные мероприятия и основные проекты Министерства иностранных дел Италии, итальянских институтов культуры и других итальянских культурных организаций. Данные проекты по осуществлению итальянской культурной политики направлены, в частности, на продвижение культуры, итальянского языка за рубежом, а также на привлечение большего числа иностранных студентов в университеты Италии. Также выделен ряд проблем, который препятствует успешному и эффективному использованию «мягкой силы», подрывающий привлекательность страны. Среди этих проблем выделено недостаточное финансирование культурного сектора и интернационализации образования, а также отсутствие слаженной системы в управлении культурной дипломатией и реализации «мягкой силы» государства.

Ключевые слова: «мягкая сила», культурная дипломатия, интернационализация образования, государство, национальный язык, культурное наследие.